Илья Муромец и Сокольник (2)

У того у моря у холодного,
У того у каменя у Латыря,
Тут живет един сын с родной матушкой.
Молода юность, десяти годов,
Он замог, детинушка, конём владать,
Он немецьким копейцом замог штурмовать,
Он здымать замог свою палицу буевую,
Хоть не тежолую палку — девеносто пуд.
И говорил тогда детинка таковы слова:
«Уж ты ой еси, мать моя родимая!
Мне-ка дай благословеньицо великое
Ходить мне-ка, ездить по чисту полю!»
Выводила она ему тут коня доброго,
Выносила ему сбруню лошадиную,
Выносила копейцо бурзомецкое
И выносила ему саблю вострую,
Указала ему палицу буевую
И стала тогды ему наказывать:
«Уж ты ой еси, мое чадо милое!
Ты когды поедешь по чисту полю,
Ты увидишь когда старого седатого,
Не доедиши старóму, с коня ставай,
Кланяйся старóму понизёшинько,
Понизёшинько старóму, ниже пояса,
Ниже пояса старóму, до сырой земли,
До сырой земли старóму, в ногу правую».
Отправляетца удалой доброй молодец,
Седлат-уздат коня доброго,
Перекресницу кладёт через хребётну степь,
Не для ради басы — да ради крепости:
Не оставил бы меня добрый конь во чистом поле.
Кладёт свои доспехи богатырские,
Берёт свою саблю вострую,
Берет от копейцо бурзомецкое,
Берет свою палицу буевую,

Садитца он на добра коня,
Распрощаетца со своей родной матушкой,
И поехал он ступцой потихошинько.
Поехал детина по чисту полю,
Со утехами он своима потешаетца:
Впереди его бежит большой [белый] зверь,
Позади его бежит большой черной медведь,
По праву руку бежит чёрной выжлочек,
Как по левую бежит его серый волк,
На правом плече сидит блад ясен сокол,
На левом плече сидит блад сизой голубь.
Он и левою рукою нонь коня правит,
Правою рукою ярлыки пише́т,
Он розметыват по полю по чистому,
По тому ли раздолю по широкому.
Мимо едёт кре́пку за́ставу великую,
Где стоят двенадцать руськиих бога́тырей,
Пасут-берегут стольной Киев-град.
Туда ясной сокол не пролётывал,
Туда серые волк не прорыскивал,
Доброй молодец удалой не проезживал —
Эта крепкая за́става великая.
Он двенадцать бога́тырей ничем зовет —
Стучит-гремит матушка сыра земля:
Тогда услышал ста́рой Илья Муромец,
Выходил старой вон на улицу
В одной беленькой рубашечки без поеса,
В одных беленьких чулочках и без чобота.
Он скоро заходит во белы́й шатер,
Говорит своей дружинушки хороброей,
Своим двенадцати руськиим бога́тырям:
«Уж вы ой еси, могучие бога́тыри!
Проехал богатырь по чисту полю,
Нас, двенадцать бога́тырей, видно, ничем зовёт,
Он ничем, видно, зовёт нас, ни во што кладёт».
Говорил тогды старой таковы слова:
«Уж ты ой еси, Олешинька Попович блад!
Попроведай ты удала добра молодца:
Он коей земли, какого города,

Он какого отца, которой матери,
Его как, молодца, именём зовут,
Величают молодца из отечества».
Приготовили Олёшки коня доброго,
Выходил тогда Олёшка вон на улицу,
Надевал на себя платьице военное,
Тогда скоро заскочил на добра коня —
И поехал Олёшка по чисту полю
Состигать на чистом поли богатыря.
Приезжал Олёшка близко к нему — за пять верст,
Закричал Олёшка громким голосом:
«Уж ты, блядь наша ворона пустоперая,
Ты последняя птица волочажная,
По сметишшам ты, птица, волочиласе,
Поганой косью задавиласе!»
Приезжал Олёшка к ему близко к самому —
Едет детинка — не огленетця,
Всё с утехами своими потешаетця.
Тогда воротитца удалой доброй молодец,
Воротит своёго коня доброго,
Приезжал к Олёшке близко к самому,
Снимал Олёшку со добра коня,
Во праву холку дал ему два отяпыша,
Во леву холку дал два оляпыша,
Посадил Олёшку на добра коня,
Стал Олёшиньки тогда он наказывать:
«Я старóго возьму к себе в прикащики,
Я Добрынюшку возьму во писари,
Я Иванушка Горденова — во конюхи,
Я тебя, Олёшку, — чашки-ложки мыть».
Поехал со своима утехами великима,
Поехал вдоль по чисту полю,
А Олёшка поехал ко белу шатру.
Едет Олёшка не по-старому,
Не по-старому была, не по-прежному.
Приехал Олёшка ко белу шатру,
Он едва спустилса да со добрá коня,
Он едва зашел во белой шатер
И стал Олешинька россказывать,

Со слезами Олешка разговаривать.
Говорит богатырь таковы слова:
«Он старо́го берет у нас в прикащики,
Он Добрынюшку Микитича у нас — во писари,
Он Иванушка Горденова — во конюхи,
А меня, Олёшку, — чашки-ложки мыть».
У старо́го очи ясны помутилисе,
Его могучие плечи расходилисе,
Богатырское сердце возъярилосе.
Приготовили старому коня доброго.
Выходил старо́й вон на улицу,
Надевал на себя платьице военное,
Опоясал кольчуги золоченые,
Он берет с собой палицу буёвую,
Он берет с собой саблю вострую,
Новую саблю, необновлену,
И берет с собой копейцо бурзомецкое.
Не видели посадки молодецкоей,
Его скороей побежки лошадиноей,
Увидели: во поле только курева стоит,
Курева стоит, да дым столбом валит:
Сустигать он на чистом поле поехал бога́тыря.
Недалеко приезжал он, близко — за пять верст,
Закричал тогды старо́й громким голосом:
«Уж ты здраствуешь, уда́лой доброй молодец,
Ты какой земли, какого города,
Ты какого отца, коей матери,
Тебя как, молодца, именём зовут,
Величают удалого из отечества?»
Приезжат тогды старой близко к самому,
Съезжаютца удалы добры молодцы.
Говорит тогды удалой доброй молодец:
«Уж вы ой еси, мои утехи любимые!
Мне-ка нонче, утехи, не до вас стало́,
Не до вас мне стало́, да не до вас пришло».
Съезжались удалы́ добры молодцы,
Они бились палками буёвыма —
От рук ихны палочки ломалися,
Ни один ни одно́го не обранили,

Не обранили, не окровавили.
Они секлися сабельками вострыма —
Ешше все ихны сабли исшербилисе,
Ни один ни одно́го не обранили.
Не обранили, не окровавили.
Они тыкались копьями бурзомецкима —
По насадочкам все ихны копья изломалися,
Ни один ни одного не обранили,
Не обранили, не окровавили.
Скакали со своих коней добрыих,
Схватилисе они рукопашкою.
Ешше бродят молодцы по колен земли —
У старого рука права промахнуласе,
Да его левая нога подвернуласе —
И упал тогды старой на сыру землю:
Во озерках вода вся сколыбалася,
И сухо́е пеньё обломалосе,
Сыро дубье со вершинами сплеталосе.
Тогды сел ему собака не белы груди,
Розрывал он его латы-панзыри
И те же кольчуги золоченые.
Тогды взмолилса Илья Муромец:
«Уж ты ой еси, Спас многомилосливой!
Пресвета, говорит, мать Божья Богородица,
Я стоял за веру православную,
Я за руськие церкви за соборные,
И за все монастыри богомольные —
Уж ты выдала меня собаке на поругание!» —
У старого тогда силы вдвоё прибыло,
Он и сшиб-сломил собаку со белых грудей,
Завернулса ему он на черны груди,
Разрывал он его латы-панзыри
И те же кольчуги золоченые,
Тогда вынимал он из кинжалишша булатной нож,
Еще хочет он пороть груди черные,
Мешать он собаки кровь со печенью
И вымать его ретиво серцо —
В заведи у старо́го рука права остояласе.
Спрашиват старой Илья Муромец:

«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
Ты какой земли, какого города,
Ты какого отца, которой матери,
Тебя как, молодца, именем зовут,
Величают удалого по отечеству?»
Ответ держит удалой доброй молодец:
«Когда я сидел у тебя на белых грудях,
И хотел я пороть груди белые,
И хотел я мешать кровь со печенью,
И хотел я вымать ретиво серцо,
Я не спрашивал ни роду, ни племени.
Ни твоё отца, твоей матери».
Вынимал старой из кинжаляшша булатен нож,
И хочет он пороть груди черные,
Мешать он собаки кровь со печенью
И вымать его ретиво серцо —
В локтю у старого рука права остояласе.
Спрашиват старóй Илья Муромец:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
Ты какой земли, какого города,
Ты какого отца, которой матери,
Тебя как, молодца, именем зовут,
Величают, удалого, по отечеству?»
Ответ держит удалой доброй молодец:
«Когда я сидел у тебя на белых грудях,
И хотел я пороть груди белые,
И хотел я мешать кровь со печенью,
И хотел я вымать ретиво серцо,
Я не спрашивал ни роду, ни племени,
Ни твоё отца, твоей матери».
Вынимал старой Илья Муромец булатен нож,
Он хочет пороть груди черные,
Мешать он собаке кровь со печенью
И вымать его ретиво серцо —
В заведи у старóго рука права остояласе.
Спрашиват старóй Илья Муромец:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
Ты какой земли, какого города,
Ты какого отца, которой матери,

Тебя как, молодца, именем зовут,
Величают, удалого, по отечеству?»
И сказал тогда удалой доброй молодец:
«От того я от моря от холодного,
От того я от камешка от Латыря,
Я родилса от матушки Златыгорки,
От той ли паленицы преудалые».
Тогда стал Илья со черных грудей
И берет его за белы руки,
Человал его в уста сахарные:
«Уж ты ой еси, мое чадо милое!
Мы с твоей матушкой Златыгоркой
Спали-ночевали в одном шатре,
И тут мы тебя, видно, прижили».
Распрощалися удалы добры молодцы,
И поехал он к морю ко холодному,
Ко своей ко матери Златыгорки,
А старо́й тут осталса на чистом поле
Со своим конем добрыим,
Разоставил свой белой шатёр,
И лег он спать во белой шатёр.
Приехал Сокольник ко своему двору,
Ко своей ли матери родимоей.
Стречат его матушка родимая:
«Уж ты ой еси, мое чадо любимое!
Не видал ли ты ста́рого-седа́того?»
Ответ держи́т удалой доброй молодец:
«Уж я видел ста́рого-седа́того,
Старой называт тебя блядкою,
А меня обзыват он выблядком».
Берет он во свою руку правую,
Берет свою саблю вострую,
Новую саблю, необновлену,
И ссек у ей со плеч голову,
Идёт ко своёму коню доброму,
Повеся идёт буйну голову,
Идет, потупя́ очи ясные.
Садился молоде́ц на добра коня,
И поехал он по чисту полю

Искать старóго Илью Муромца.
Приехал к старóму ко белу шатру
И скоро скочил со добра коня,
Берет в руки копейцо бурзомецкое,
Распахнул у шатра полу правую,
Ткнул старóму во белы груди.
Пробудилса старой Илья Муромец,
Выскочил старой вон на улицу
В одной беленькой рубашки и без пояса,
В одных беленьких чулочках и без чобота.
Он берет тогда собаку за черны кудри,
Он здымал его выше гóловы,
Опускал его о сыру землю,
О сыру землю его, о горюч камень —
И кончил его тогды вечну жизнь.

(Зап. Леонтьевым Н. П.: 1 июня 1938 г., д. Лабожское Нижнепечорского р-на — от Тайбарейского Василия Петровича, 73 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.